

Первый Московский кинофестиваль

В те годы в Москве то и дело что-то происходило в первый раз. 3 августа 1959 года открылся 1-й Московский кинофестиваль. Что творилось в тот день, сейчас и представить себе трудно. Весь город вышел на улицы, москвичи толпились у кинотеатров, где счастливы могли посмотреть диковинные иностранные фильмы.

Ажиотаж объясним легко. Своих фильмов все еще производили мало. Кинопромышленность оживала, но еще не ожила. Сталин лично утверждал каждый сценарий, лично принимал или не принимал каждый фильм, лично раздавал свои, Сталинские премии. В год на экраны выходило пять-шесть картин, не больше, и практически все – революционные, о Сталине или биографические, об ученых или композиторах. В кинотеатрах крутили трофейные немецкие и американские фильмы вроде «Гарзана» и тому подобной чепухи, тоже объявленные трофейными, чтобы не платить за них хозяевам. Поначалу они всем нравились, но еще в сороковые годы их пересмотрели по нескольку раз и теперь жаждали чего-нибудь новенького.

В условиях еще неутоленного киноголода от кинофестиваля ожидали чего-то необыкновенного. Но фестивальныe фильмы разочаровывали. Не то чтобы они оказывались действительно плохими, показывали добротную среднюю или чуть выше среднего продукцию, тогда как зрители настраивались на что-то невиданное. Разочарование мало кто показывал, выходя из кинотеатра, «счастливики» восхищенно закатывали глаза, неопределенно хмыкали и нудно пересказывали незатейливый сюжет затаившим дыхание слушателям. Я пересмотрел если не все, то наверняка большинство фестивальныx фильмов, и конкурсных, и просто привезенных на просмотр, но что показывали, хоть убей не помню. Вспоминается ощущение праздника, всеобщей приподнятости – и только. Я перелистал в библиотеке старые газеты. Оказывается, главный приз в 1959 году получил фильм Сергея Бондарчука «Судьба человека» по рассказу Шолохова. Хороший фильм, но у меня в памяти сохранился лишь начальный эпизод, когда главный герой фильма шофер грузовика (сам Бондарчук) начинает рассказывать своему пассажиру-мальчику Ване о жизни, о войне, о плене. Очень живая сцена, остальное же расплывается словно в дымке.

И все же кинофестиваль 1959 года удался. Его успех уже не повторит ни один из последующих кинопоказов, ставших традиционными, повторявшихся каждые два года. И это несмотря на то, что фильмы на них показывали очень знаменитые: «Балладу о солдате», «Вестсайдскую историю», «Космическую одиссею» и конечно «Восемь с половиной» Федерико Феллини. В 1963 году вокруг последнего разгорелся грандиозный скандал. Но это отдельная история и расскажу о ней ниже.

День за днем

Сразу по возвращении из США, не передохнув ни дня, отец вместе с Суловым улетают в Китай. Там 1 октября праздновали десятилетие Китайской Народной Республики и отсутствие отца сочли бы знаком неуважения, особенно когда отношения «вечной дружбы» все быстрее катились под откос.

Пекинский визит, в отличие от американского, получился неприятным. Антисталинисту Хрущеву договориться с Мао, «китайским Сталиным», естественно, не удалось. Расстались они холодно, хотя и с соблюдением приличий.

В Москву отец возвращался, как и в 1954 году, со множеством остановок. Сначала заехал во Владивосток. Оттуда 7 октября перебрался в Иркутск, из Иркутска в мало кому известный поселок Братск. Там строили Братскую ГЭС. 18–19 июня 1959 года, в рекордные 19 часов перекрыли Ангару, завалили бетонными блоками и породой русло реки. В те годы на сибирских реках одну за другой возводили гидростанции, рядом открывали предприятия с энергоемким производством, в основном алюминиевые заводы. Отца приглашали на перекрытие Ангары, но летом выбраться ему не удалось. Сейчас он не мог отказать себе в удовольствии взглянуть пусть уже и на перекрытую Ангару. Отец остался доволен. У меня сохранилась смешная фотография: отец в черном демисезонном пальто, в надвинутой на уши черной шляпе, стоит на плотине окруженный дюжиной мужчин. И все они в черных одинаковых пальто и в черных шляпах.

По возвращении в Москву отец взахлеб рассказывал о творящихся в Братске чудесах. Вскоре Братскую ГЭС узнала вся страна. Евгений Евтушенко написал о ней поэму, о Братской пели песни. На стройку устремились молодые романтики. Конечно, романтики в бетонных работах – никакой, но ведь романтики того не знают и знать не хотят.

Из Братска отец летит в Красноярск, там, наряду с другими объектами, осматривает подземный ракетный завод и завод по производству плутония.

10 октября отец в Новосибирске, заезжает в Академгородок и оттуда возвращается в Москву.

16 августа газета «Советская Россия» поместила на первой странице рапорт рязанцев. За полгода они выполнили годовой план, продали государству 51,2 тысячи тонн мяса, почти в три раза больше, чем за тот же период в предыдущем, 1958 году. Ларионов обещал до 15 октября сдать еще столько же мяса, а к концу года «сделать» и третий план. И сделали, 12 октября Ларионов доложил о сдаче 100 тысяч тонн мяса.

Ему бы на этом остановиться, тем более что, принимая 16 октября 1959 года в Кремле делегацию из Рязани, отец предупредил Ларионова: «Если у вас не хватит ресурсов на выполнение третьего плана, то лучше в этом признайтесь, никто вас не осудит».

Сказал он это неслучайно. До отца уже начали доходить письма с жалобами на Ларионова, их авторы сообщали в ЦК, что с третьим планом не все благополучно. Вот он и решил дать ему шанс выйти из положения.

Ларионов заверил, что третий план у них в кармане и по возвращении домой, на митинге в Рязани подтвердил: «Рязанцы своих позиций не сдадут... Всех нытиков и маловеров мы разоблачим, не допустим, чтобы они сеяли в наших рядах сомнения. Пусть не мешают нам в битве за 150 тысяч тонн мяса. Пусть уходят. Отдадим всю свою силу, здоровье на достижение нашей великой цели».

Это слова уже даже не игрока, а настоящего безумца. Третий план Ларионов выбивал любыми способами, не думая о последствиях, из оставшихся 50 тысяч тонн мяса 31 тысячу тонн зачислил на бумаге, как сданные государству в счет будущих обязательств. Министерство сельского хозяйства РСФСР тут же направило жалобу в Совет Министров с разъяснением, что обязательства рязанцам выполнять больше нечем. Нет у них мяса.

Все это многоопытный Ларионов не мог не понимать, но и остановиться он не хотел. Трудно сказать, рассчитывал ли он выиграть? Скорее всего, он просто заигрался.

К тому же Ларионов лишился поддержки Владимира Мыларщикова, с которым они начинали игру в три плана и который до поры до времени прикрывал его в Москве. В июне 1959 года Мыларщикова за совсем другие игры убрали из ЦК, отправили заведовать Спецтрестом картофелеовощеводческих совхозов Московской области.

21 октября 1959 года, почти через три года после XX съезда КПСС, Отдел идеологии ЦК распорядился изъять из продажи сталинский и просталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», ставивший всю послереволюционную историю страны с ног на голову, приписывавший Сталину все наши победы и достижения, объявлявший всех несогласных со Сталиным «врагами народа».

27 октября 1959 года сессия Верховного Совета СССР «расширила права союзных республик», передала из центра под их юрисдикцию дополнительные властные полномочия, они получали больше свободы в формировании своих бюджетов. Одновременно приняли закон «О порядке отзыва депутатов» всех уровней. До того депутатов избирали, а дальнейшая их судьба зависела только от Сталина и его карательных органов. Теперь закон расписывал процедуру отстранения депутатов от власти, определял, кто и как может инициировать отзыв. Пусть и маленький, но еще один шаг к установлению в стране демократии.

1 ноября 1959 года отец осмотрел прилетевший в Кремль и приземлившийся на Ивановской площади пассажирский вариант вертолета Ми-4.

В США отец с удивлением обнаружил, что вертолеты там уже несколько лет используются как обычное транспортное средство, наравне с автомобилями и поездами. Даже президент летает в Кэмп-Дэвид на вертолете. По возвращении домой он попросил Михаила Леонтьевича Миля проработать вариант пассажирского вертолета. Вскоре первая вертолетная линия начала обслуживать курортников в Крыму, возить отдыхающих из Симферопольского аэропорта на Южный берег, в Ялту.

В тот же день, 1 ноября 1959 года, в Ленинграде на набережной Красного флота открылся первый в стране Дворец бракосочетания, в

отличие от районных загсов там браки регистрировали в торжественной обстановке под музыку и с шампанским.

12 – 14 ноября 1959 года в Кремле прошел I съезд журналистов, учредивший свой творческий союз. Союз журналистов органично вписался в ряд всех иных союзов: писателей, композиторов, архитекторов, кинематографистов. Проталкивал организацию союза журналистов Аджубей. Журналисты ему за это благодарны и по сей день. Те, кто помнит, конечно.

Весь год со страниц газет не сходила тема совнархозов. Я приведу только две статьи. 20 июня 1959 года глава Компартии Таджикистана Турсунбай Ульджабаев пишет в «Правде» о переходе на хозрасчет, выстраивании взаимоотношений с центром и соседями по товарному принципу: центр дает ресурсы на инвестиции в производство, на местах их «осваивают», получают прибыль и часть ее возвращают в виде налога в общесоюзный бюджет. Схема тривиальная, но тогда к слову «прибыль» относились подозрительно, и предложение Ульджабаева звучало революционно.

14 ноября 1959 года А. Жусупов из Казахстана, председатель Комиссии советского контроля республики, в статье «Совнархоз – не удельное княжество» возмущается, что совнархозы: Гурьевский, Южно-Казахстанский, Восточно-Казахстанский, Алма-Атинский не желают учитывать интересы соседей, саботируют поставки казахского цемента узбекам и туркменам, а Петропавловский комбинат вообще недопоставил 1 700 тонн мяса в общегосударственный фонд. Жусупов призывает не замыкаться в себе, помнить о кооперации, блюсти государственные интересы.

Помнить-то все обо всем помнили, но своя рубашка ближе к телу. Противники реформы воспрянули духом, по их мнению, отцу следовало признать ошибки, повернуть назад к строгой централизации, к министерствам. Отец пути назад не видел, считал, что проблема местничества в совнархозах порождалась не излишней, а недостаточной децентрализацией. Если директорам дать больше свободы, то местничество растворится само в себе, завод, преследуя свои интересы, обеспечивая выполнение своих заданий, добиваясь получения наибольшей прибыли, окажется заинтересованным в производстве качественной, конкурентоспособной (тоже новое слово в те времена) продукции и сбыте не только внутри своего совнархоза, а любому потребителю. Следовательно, интересы отдельного производителя и страны совпадут.

Добавлю от себя, что таким образом борьба с энтропией становилась более эффективной.

23 – 27 ноября 1959 года отец проводит в Пицунде совещание о перспективах развития тепловой, атомной и гидроэнергетики и прямо оттуда, 29 ноября, улетает во главе делегации КПСС в Венгрию на 7-й съезд Венгерской Социалистической Рабочей партии, выступает, ведет переговоры и 8 декабря отбывает домой на поезде. 8 декабря он останавливается в Закарпатье, 9 декабря – во Львове, на следующий день объезжает поля и предприятия Львовской и Тернопольской областей. 11–13 декабря отец проводит в Киеве, 13-го вечером он уже в Москве.

30 декабря газеты сообщили: «Пошла железная руда с разрезов Курской магнитной аномалии». Событие, уводящее мою память в детство. Я тогда зачитывался рассказами о всяких чудесах: о скрещивании в Аскании-Нова кобыл с зебрами, о диковинных рыбках гамбузиях, пожиравших личинки малярийных комаров и спасавших человечество от страшной болезни, о кладах в пещерах Киево-Печерской лавры... В одной детской книжке я вычитал, как в 1931 году кто-то из геодезистов, размечавших поля в сугубо сельскохозяйственном районе, случайно обратил внимание на то, как заплясала магнитная стрелка его компаса, а затем вообще уткнулась куда-то в землю. Согласно научным обоснованиям того времени, возможность залегания полезных ископаемых в этих равнинных районах исключались, поведение компаса списали на необъяснимую аномалию. Так и называли явление: «Курская магнитная аномалия». Но нашлись геологи, допускающие, что под черноземом, вопреки устоявшимся понятиям, находятся несметные залежи железной руды. Им не верили, над ними смеялись, но они доказали свою правоту.

И вот теперь руда пошла.